

В. Н. Сергей

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОТЕНЦИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО В СТРУКТУРИРОВАНИИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Существительное, как известно, является не только одной из основных частей речи, но и важнейшим средством номинации. Как часть речи имя существительное характеризуется тремя главными признаками: семантическим, морфологическим и синтаксическим. В семантическом плане существительные обозначают субстанции: одушевленные существа, предметы и объекты, вещества, а также качества, действия и состояния, поскольку любое понятие может мыслиться как субстанция.

В плане морфологии имя раскрывается через категории числа и рода. Дискуссионной является категория детерминации существительного, поскольку значения детерминации выражаются не морфемами, а артиклями и другими детерминативами, которые не входят, однако, в состав имени. Вместе с тем сочетание «детерминатив (артикл, местоимение и др.) + имя существительное» представляет собой именную группу с единым планом содержания, позволяющим рассматривать её как одно целое. Именно детерминатив формирует именную группу и актуализирует её в предложении. «Существительное само по себе не в состоянии выполнить ни одной из возложенных на его категории синтаксических функций. Для того чтобы фигурировать в предложении, оно должно сопровождаться (эксплицитно или имплицитно) знаками актуализации» [1, 319]. Самыми частотными знаками актуализации во французском языке выступают артикли и местоимения. Формирование и актуализация именной группы во французском предложении артиклями и местоимениями даёт основание считать, вслед за В. Г. Гаком, детерминацию синтаксической категорией. К этому следует добавить, что среди различных знаков актуализации существительного именно артиклю принадлежит первое место, именно артикл выражает категорию детерминации «в чистом виде» [2, 97]. В свою очередь, детерминация имени существительного во многом зависит от функции, выполняемой им в предложении. Первичной синтаксической функцией существительного, как известно,

является функция подлежащего: имя в данной позиции называет субстанцию как основу описываемой порождаемым предложением ситуации. В этом плане необходимо отметить: подлежащее, прежде всего, обозначает субъект как «исполнителя действия, носителя состояния или признака, обозначенного в сказуемом» [2, 73]. Но подлежащее может также обозначать действие и состояние (как субстанцию – основу описываемой ситуации).

А. И. Смирницкий трактует субъект более широко и рассматривает его как «тот предмет мысли, по отношению к которому мыслится, определяется и выделяется предикат» [3, 107–111]. Таким образом, субъект, выделяемый по логическому принципу, в предложении находит своё выражение в подлежащем.

С семантикой и структурой предложения подлежащее соотносится непосредственно, т. е. связано более тесно, чем другие именные члены предложения. В своё время Ж. Дамурет и Э. Пишон отметили значимость подлежащего как исходного члена предложения. Разделяя их точку зрения, М. Д. Потапова также считает, что подлежащее – «наиболее частотное лингвистическое (морфолого-синтаксическое) обозначение исходного предмета отношения» [4, 13–19]. Для Н. Д. Арутюновой подлежащее – это «своего рода якорь, крючок, которым предложение зацепляется за действительность» [5, 372].

Подлежащее признаётся центром формальной и смысловой структуры предложения в традиционном понимании вопроса. Как один из главных членов предложения, оно занимает ведущее положение и является исходным пунктом для адресанта речи при порождении высказывания. Здесь явно усматривается связь с актуальным членением предложения, в котором подлежащее играет роль темы, что и возводит его в ранг главного члена предложения и предопределяет ему инициальную позицию. Построение предложения по схеме «подлежащее – сказуемое» интуитивно воспринимается во французском языке как логический образец и поэтому является наиболее распространенным. Прямой порядок слов в предложении отражает логическое развёртывание мысли адресанта речи от данного к новому, от известного к неизвестному, хотя тема не всегда

совпадает с подлежащим, а рема – со сказуемым. Как отмечает Л. М. Скредина, «преобладание прямого словопорядка объясняется наличием единого предречевого механизма, регулятором которого является инциденция» [6, 61–67]. В унисон звучит и следующее замечание: «Семантический облик подлежащего-существительного, когда именно оно стоит первым слева, порождает определённые смысловые ожидания и тормозит в нашем уме другие семантические области» [7, 198].

С точки зрения коммуникативной оси «адресант речи – предложение (высказывание) – адресат речи», инициальная позиция подлежащего обоснована тем, что в ней естественно совмещаются формы выражения логического субъекта (исходного предмета отношения или мысли) и грамматического субъекта (подлежащего). Будучи исходным предметом отношения, подлежащее вводится в предложение «по интенции реализуемой в предложении мысли». Однако, становясь членом предложения, подлежащее, в свою очередь, устремляется к глаголу, одновременно вызывая его к существованию, как бы полагая его, «что предполагает обратное действие: глагол также устремляется к подлежащему. Такая взаимоустремленность этих двух членов предложения и «является отличительной чертой предикативного отношения, связывающего подлежащее и сказуемое» [8, 68]. В предикативном единстве подлежащее является определяемым, а сказуемое определяющим. В этом заключается суть предикативности: содержание имени существительного в функции подлежащего объясняется и реализуется сказуемым.

Подлежащее и сказуемое, выражающие отношения в синтаксической структуре, называют одновременно элементы объективной действительности. Устремления лингвистов-исследователей и направлены на раскрытие соотношения между членами предложения и компонентами обозначаемой этими членами ситуации, что не всегда однозначно, поскольку подлежащее, например, может называть не только объект, носителя действия или состояния, но и причину и даже само действие:

La douleur m'a fait réveillé. – Je me suis réveillé à cause de la douleur. (Боль меня разбудила. – Я проснулся из-за боли).

La lecture est difficile. – Il est difficile de lire. (Чтение – тяжело. – Тяжело читать).

В грамматике подлежащее обычно определяется чисто формально и рассматривается как элемент структурной организации предложения. В плане же семантической организации последнего подлежащее исследуется как конститuent, способный выражать различные семантические компоненты субстанционального характера или же, например, признаковые, деятельностные, событийные и т. д.

Du côté de Sapigneul, des fusées s'élançaient. Une rouge s'alluma comme une lampe au milieu de déroulement de la nuit et elle resta là, suspendue [9, 99]. (Со стороны селения Сапинель в небо взмыли ракеты. Краснота загорелась в ночи, словно подвешенная лампа).

La respiration est devenu plus difficile. (Дышать (дыхание) стало труднее).

Victoire ... Défaite ... ces mots n'ont point de sens. La vie est au-dessous de ces images, et déjà prépare de nouvelles images. Une victoire affaiblit un peuple. Une défaite en réveille une autre ... [10]. Победа ... Поражение ... эти слова не имеют никакого смысла. Жизнь выше этих картинок и уже готовит новые картинки. Победа ослабляет народ. Поражение пробуждает в нем другое ...

Исходя из вышеизложенного, представляется наиболее естественным подходить к анализу семантики подлежащего, равно как и сказуемого, как к функциональной категории. Именно функциональный подход, позволяющий учитывать специфику семантики (признаковость, событийность и т. д.), присоединяемой к денотативному содержанию имени, даёт полное представление о подлежащем. Денотативность (предметность или субстанциональность) составляет семантическую основу подлежащего в общекатегориальном плане. Денотативный характер подлежащего проявляется в том, что, оформляясь артиклем или другим детерминативом, оно действительно обозначает (предмет или признак), а сказуемое ничего само по себе не обозначает (в том смысле слова «обозначать», которое выражает отношение между именем и его денотатом); оно лишь приписывает признак тому объекту, который обозначен подлежащим» [11, 351]. В этом состоит семантическое различие между подлежащим и сказуемым.

Итак, подлежащее всегда субстанционально, является определяемым и, соответственно, тяготеет к инициальной позиции. Постпозиция подлежащего во французском языке менее употребительна. Она была более специфична для структуры предложения в старофранцузском языке, особенно в памятниках IX–XI веков. Данный факт объясняется, с одной стороны, двухпадежной системой склонения, благодаря которой противопоставление «подлежащее – прямое дополнение» не нуждалось в фиксированном месте. С другой стороны – это следы влияния латинского языка, в котором структура далека от фиксированного порядка слов. Вместе с тем, благодаря появлению детерминативов, центр организованной структуры французского предложения перемещается в препозицию. Таким образом, постпозиция оказалась той синтаксической ситуацией, которая способствовала формированию детерминации имени.

В современном французском языке инверсия подлежащего встречается, в основном, для выражения вопроса и для выделения подлежащего в качестве ремы [12, 94], т. е. имеет преимущественно структурно-грамматическую функцию.

Денотативный компонент, как исходная основа семантической структуры подлежащего, реализует предметную соотнесенность предложения. В связи с этим следует отметить, что предметным именам в этой позиции свойственно определённое равновесие формирующих их семантическую структуру денотативных и сигнификативных компонентов. Абстрактные же существительные характеризуются преимущественно сигнификативным значением, что, по мнению исследователей языка, объясняется отсутствием у них референта – реального объекта: абстрактные имена соотносятся не с конкретными предметами и объектами, а с понятиями о них. Указание на денотат осуществляется косвенно, через различные признаки, что, в свою очередь, требует непосредственной связи сигнификативных (признаковых) компонентов со знанием говорящего о данном денотате (референте). В одном из предыдущих примеров *Une rouge s'alluma comme une lampe au milieu de déroulement de la nuit et elle resta là, suspendue* [9, 99] абстрактное существительное *une rouge* (краснота) соотносится с реальным объектом *des fusées* (ракеты) через признаки *élançées* (выпущенные, выстрелянные) и признак,

обозначающий цвет – *rouge* (красный). Адресант речи знает из собственных наблюдений о происхождении красноты в ночном небе и пытается донести данную информацию до адресата.

Различная степень знания реализуется в различных способах детерминации обозначений этого денотата (референта) в высказывании, т. е. через разные формы детерминатива, сопровождающего то или иное обозначение (имя существительное).

В объективном бытии предмет мысли не может быть определённым или неопределённым: он выступает таковым лишь в конкретной ситуации в процессе (акте) коммуникации и конкретно – по отношению к его участникам. Следовательно, определённая или неопределённая, как значения категории детерминации имени, с одной стороны, имплицитно обусловлены причинами, которые лежат вне системы языка, и с другой – связаны более конкретно с предметом мысли и с особенностями мышления говорящего. Нормами мышления вырабатывается предикация, составляющая семантическую основу предложения и реализующаяся в предикативном отношении, которое, в свою очередь, передаётся синтаксическими категориями, в том числе и категорией детерминации имени.

Грамматически подлежащее всегда определено: имя в этой позиции, несмотря на его различную семантику, сопровождается артиклем или другим детерминативом, что свидетельствует о наличии грамматического значения «предметности». Как было уже сказано, такое положение логически закономерно: «Онтологический или мысленный предмет выступает как определяемое, носитель предикативного признака» [13, 63]. Иначе говоря, подлежащее получает грамматическую детерминацию. Только такая установка подлежащего (имени существительного) создаёт предпосылки для организации предложения. Инициальная репрезентация и грамматическая детерминация имени-подлежащего способствуют непосредственному проявлению синтаксических свойств этого существительного и влияют на синтаксическую структуру предложения: «представление, которое непосредственно соединяется с термином подлежащего, имеет своей целью только указать на этот предмет, только сделать, так сказать, намёк на то, на что направлена мысль, чему намереваются приписать известное определение» [14, 56]. Однако для говорящего определённость предмета мысли, выражаемого

подлежащим, может оказаться значительно разнообразнее, в зависимости от ситуации и интенции. Процесс же приписывания определения, т. е. придания определённости или неопределённости предмету мысли, – задача отдельного исследования.

Таким образом, логико-семантический компонент, оформленный как подлежащее, соотносит данное предложение с реальной действительностью: существительное в позиции подлежащего выступает знаком конкретного предмета (факта, состояния, чувства или же определенного класса предметов и фактов) в предложении-высказывании. Являясь его отправной базой, подлежащее устанавливает референцию к окружающей действительности: к предмету, явлению, событию в конкретной ситуации, которые выделяются и одновременно индивидуализируются адресантом речи и о которых даётся необходимая информация через предикат.

Семантическая репрезентация предложения в целом зависит от семантической репрезентации подлежащего. Последняя обязательно предполагает значение детерминативов. Обращение к семантическому анализу подлежащего может объяснить, каким образом понимается предложение в целом, как оно интерпретируется и соотносится с онтологическими или мысленными предметами.

Семантическая дифференциация существительных в позиции подлежащего диктуется необходимостью установить специфику их соотносённости с реальными объектами или явлениями и, как следствие, – специфику реализации значения и формы детерминатива. В разное время существительные классифицировались с различных точек зрения и в различных целях: любая новая идея и теория получают апробацию, в первую очередь, на основе систематизации и анализа таких частей речи, как имя и глагол. Современная теория коммуникативного синтаксиса также не может обойтись без семантического разграничения существительных на подгруппы в зависимости от поставленных исследователем задач.

Учитывая синтаксическую (позиция подлежащего) и семантико-грамматическую (обозначение субстанциональности) особенности анализируемых имен, не следует забывать и о функциональном, динамичном характере их семантики, поскольку имя используется адресантом речи с конкретной целью и в конкретной речевой ситуации.

Предметные отношения действительности определяют системное формирование семантики имени: разные соотношения семантических компонентов служат основанием для противопоставления конкретной и абстрактной лексики или, иначе говоря, слов с предметным и предикатным значением. Основанием для такой классификации послужили наблюдения за различной степенью выраженности номинативной функции у тех или других лексических единиц. Вместе с тем внутренняя динамичность семантики, т. е. различное соотношение денотативного и сигнификативного компонентов, раскрывается лишь в реализации семантической структуры имени в предложении-высказывании.

Для данного исследования наиболее эффективной является классификация номинаций, которая представлена в трудах Н. Д. Арутюновой. Функциональный подход к значению предполагает то, что семантическое содержание слова формируется под влиянием его коммуникативной роли в сообщении, что и определяет разграничение идентифицирующих и предикативных знаков. «Если считать, что в предложении регулярно реализуются две основные коммуникативные функции – идентификация предметов, о которых идёт речь, и предикация, вводящая сообщаемое, то можно ожидать, что значение слов приспособляется к выполнению одного из этих двух заданий. ... Идентифицирующие слова отражают и классифицируют то, что «существует в мире»: они как бы замещают мир в сообщениях о нем. Предикатные слова выражают то, что мы думаем о мире. Первые ориентированы на объективный мир, вторые – на познающего субъекта. Первые могут быть проиллюстрированы, вторые – нет» [5, 326–343]. Идентифицирующие знаки это, как правило, конкретные имена – референтная лексика; к предикатным знакам относятся имена абстрактные – пропозитивная или событийная лексика. Семантика идентифицирующих знаков ориентирована на денотат и создаётся общими чертами класса денотатов. В высказывании идентифицирующие знаки стремятся к сокращению и уточнению своих возможностей референции; реализуя свою способность к денотации, они вызывают индивидуализированные представления о конкретном предмете. Понятийное содержание предикатных знаков стремится к отрыву от денотата: своё

сигнификативное содержание они реализуют в высказывании как значение, создаваемое стандартизированными представлениями о свойствах предметов или событий.

Поскольку нас интересует позиция подлежащего, то среди идентифицирующих знаков следует разграничивать одушевлённые имена и имена предметов: это различие оказывается существенным.

Естественно, что семантические подгруппы существительных обладают различными референциальными возможностями, при этом монофункциональные знаки способны выполнять только одну функцию – либо идентификации, либо предикации; бифункциональные знаки – и ту, и другую функции [5, 329]. Так, предметные имена, которые образуют самую многочисленную группу, включаются в разряд бифункциональных знаков, поскольку они способны выступать в высказывании и в качестве идентифицирующих, и в качестве предикатных знаков.

Идентифицирующие знаки приспособлены наиболее естественно к референции, в то время как для предикатных знаков эта способность снижается, хотя и не исключается полностью. Кроме того, существительное в предложении-высказывании и вне его по-разному выполняют свою референциальную функцию: референциальная функция существительного в контексте относится французским лингвистом Ж.-К. Милнером к актуальной референции, отсылочная функция виртуального имени – к виртуальной [15]. В трудах Е. В. Падучевой вообще отрицается наличие референциальных свойств у имен как номинативных знаков. «... Референция осуществляется именной группой в составе высказывания в момент его произношения» [16, 82]. С этим можно согласиться, если считать, что референция – это отсылка имени к конкретному предмету, что, естественно, имеет место лишь в тексте.

Соответствие значения слова и того отношения, выразителем которого оно является, «зиждется на согласовании понятий пространственно-предметного плана, с одной стороны, и событийно-временного – с другой» [5, 124]. Этот тезис подтверждает необходимость учитывать семантическое разграничение субстантивного словаря в том плане, что семантика находится в зависимости от взаимодействия с другими понятийными сущностями: с одной стороны – предмет и пространственная ориентация, физическое

действие и физическое свойство предмета; с другой стороны – событие и время, свойство события и суждение о событии как мысленный акт. Эти понятия определяют специфику различных ситуаций и их анализ, поскольку возникает потребность установить характер связей именной группы с ситуацией, а следовательно, и с коммуникативной осью «адресант – высказывание – адресат». Иначе говоря, потребность исследовать детерминацию имени в позиции подлежащего как процесс формирования или проявления различных установок имени, что является объектом отдельного исследования.

Литература

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.
2. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. – 2-е изд. / В. Г. Гак. – М. : Высш. шк., 1986. – 312 с.
3. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : изд-во лит-ры на иностр. языках, 1957. – 286 с.
4. Потапова, М. Д. О структурной роли подлежащего в современном французском языке / М. Д. Потапова // Иностранные языки в школе. – 1976. – № 3. – С. 13–19.
5. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
6. Скредина, Л. М. О концептуальной схеме предложения / Л. М. Скредина // Проблемы синтаксиса простого предложения. – Л. : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1980. – С. 61–67.
7. Апиференко, А. Ф. Фразеологическое значение в системе семантических единиц других уровней языка // Теоретические проблемы семантики и её отражение в однозначных словарях / А. Ф. Апиференко. – Кишинёв : Штиинца, 1982. – 246 с.
8. Адмони, В. Г. Синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – Л. : Наука, 1973. – 365 с.
9. Giono, J. Le grand troupeau / J. Giono. – Paris : Gallimard, 1979. – 256 p.
10. Saint-Exupéry, A. Vol de nuit / A. Saint-Exupéry. – Paris : Gallimard, 1931. – 192 p.
11. Падучева, Е. В. Подлежащее или сказуемое? / Е. В. Падучева, В. А. Успенский // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. – 1979. – Т. 38. – № 4. – С. 349–360.
12. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. – 2-е изд. / В. Г. Гак. – М. : Высш. шк., 1986. – 220 с.

13. Сергеева, В. И. Многофакторность субъекта предложения / В. И. Сергеева // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин : КГУ, 1983. – С. 61–68.

14. Степанов, Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.

15. Milner, J.-Cl. De la syntaxe à l'interprétation / J.-Cl. Milner. – Paris : Ed. du Seuil, 1978. – 408 p.

16. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 271 с.

